
ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ КОННОТАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРНИТОНИМА *PALOMA*/ГОЛУБЬ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.П. Денисова, М.В. Кутьева

Кафедра № 3 ИИЯ
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена компаративному изучению коннотативной семантики испанского и русского языков на примере орнитонима *paloma/palomo/голубь/голубка*. Размышления авторов иллюстрируются многочисленными примерами из художественной литературы, песен, прессы на испанском и русском языках.

Ключевые слова: коннотация, орнитоним, символ, метафора, презумпция.

Слово *голубь* является семиотически, лингвокультурологически и эмотивно значимой единицей, отражающей коннотативные особенности семантики и национальную специфику культур сопоставляемых языков — испанского и русского. Как справедливо отмечает Н.М. Фирсова, «поскольку лексика и фразеология больше, чем какая-либо другая область языка, связаны с внеязыковой реальностью, а на формирование национальных признаков может непосредственно влиять своеобразный способ восприятия и моделирования «картины мира» носителями разных языков или разных национальных вариантов одного и того же языка, то становится ясно, что именно лексические и фразеологические единицы ярче и чаще других лингвистических единиц передают эти признаки» [1]. Многочисленные контексты, в которых употребляется этот орнитоним на протяжении многих веков, позволяют считать его важным элементом языковой картины мира испанского и русского народов. Это одно из тех слов, которые наглядно демонстрируют специфику взаимодействия языка и культуры.

В древности считалось, что у голубя нет желчи. Из-за этого его причисляли к существам кротким, безобидным и даже беззащитным. Голубь не раз упоминается в Библии как священная, чистая птица [2].

При крещении Христа Дух Божий сошел на него в виде голубя, о чем сказано во всех четырех Евангелиях, и позднее он стал осознаваться как символ Святого Духа.

Христос призывает нас быть простыми, как голуби. В Иудее бедные могли принести в жертву вместо агнца голубя, и разведение голубей (для еды и для жертвоприношений) было широко распространено.

Эта птица считается вестником добрых новостей. Именно голубь известил Ноя о прекращении потопа. Голубь с оливковой веточкой в клюве предстал перед взором Колумба и его товарищей посреди океана, внушив им веру в то, что земля совсем близко. Фамилия Колумб в переводе с латыни и есть «голубь».

В русской литературе орнитоним «голубь» традиционно употреблялся метафорически, характеризуя людей кристальной духовной чистоты.

Голубем назвал Ф. Тютчев В. Жуковского:

«Поистине, как *голубь*, *чист и цел* / Он духом был; хоть мудрости змеиной / Не презирал, понять ее умел, / Но веял в нем *дух чисто голубиный*» [3].

Уподобляет поэта голубю и И. Северянин в стихотворении «Лейтенанту С.»:

«Он сын Случевского. По крови / И духу сын... В лазури строк — / Он *белый голубь*. На Нарове / Его именье „Уголок“» [4].

‘Кроткий, смиренный, святой человек’ — так можно трактовать семантику орнитонима *голубь* в следующем отрывке:

«Мне кажется, что я не покидал России / И что не может быть в России перемен. / И *голуби* в ней есть. И мудрые есть змии. / И множество волков. И ряд тюремных стен» [5].

Как известно, голубь, мудрый змий, орел — это аллегории человеческих типов: людей смиренных и миролюбивых, мудрых и прозорливых, а также жестоких и агрессивных. В подобный тройственный союз входит *голубь* и в стихотворении уругвайской поэтессы Дельмиры Агустини, которая пишет о своей музе:

«Y que vibre, y desmaye, y lllore, y ruja, y cante, / Y sea *águila, tigre, paloma* en un instante» [6].

Поэтесса просит музу быть и зоркой, как орел, и смелой, как тигр, и умиротворяюще-духовной, как голубь.

Голубка выступает как носительница женского начала — нежности, покоя, любви — в противовес началу мужскому — агрессивному и наступательному, что подтверждают строки из рассказа Камило Хосе Селы:

«Describir el desarrollo de ese amor sería materia de una labor larga e interesante; pero voy a concretar en una comparación que te parecerá insólita, lo que eran él y ella. Uno un vergel agreste de esta América y la otra una *paloma* de la civilización un poco cansada con el vuelo a través del mar. ... Eso eran él y ella; en el vergel faltaba cernir la tierra y en la *paloma de albas plumas* había reminiscencias de aleros milenarios; pero a pesar de ello la naturaleza se había dado el capricho de fabricar a esos dos seres el uno para el otro como las dos medias naranjas del cuento» [7]. «Описывать историю этой любви — дело долгое и интересное; но я выражу ее в сравнении, которое покажется тебе невероятным. Он — запущенный, дикий сад этой Америки, а она — *голубка цивилизации*, немного уставшая от долгого перелета через океан... Вот это и были он и она; в саду нужно было возделывать землю, а в *голубке с белоснежными крыльями* жили тысячелетние воспоминания о полетах, однако природе вздумалось создать эти два существа одно для другого, как одну половинку апельсина для другой».

(Здесь и далее испанские текстовые примеры даны в нашем переводе, за исключением тех случаев, когда мы использовали опубликованные переводы с указанием фамилий их авторов.)

В семантике слова *paloma/голубка* можно выделить сему *безволие, подчиняемость*.

Приведем в пример песню о юноше, который собирался быть *ястребом*, а оказался *голубкой* — от любви:

«...hay que ver como es el amor / que vuelve a quien lo toma / *gavilán o paloma*. / Pobre tonto, ingenuo charlatán /que fui *paloma* por querer ser *gavilán*» [8].

Paloma / голубка — это еще и особое — летящее — состояние души:

«Palomar del arrullo / fue la habitación. / Provocabas *palomas* / con el corazón» [9].

Горюя об утрате подруги, Мигель Эрнандес вспоминает, что при ней комната превращалась в голубятню: птицы возникали из сердца любимой.

Голубка символизирует мимолетность и хрупкость всего прекрасного. О том, как легко уничтожить беззащитную красоту, говорится в стихотворении Федерико Гарсии Лорки:

«¡Alto pinar! / Cuatro palomas por el aire van. / Cuatro palomas / vuelan y tornan. / Llevan heridas / sus cuatro sombras. / ¡Bajo pinar! / Cuatro palomas en la tierra están» [10]. «Лес высок! / Четыре голубки летят на восток. / Четыре голубки / летели, вернулись. / Четыре их тени / упали, метнулись. / Лес высок? / Четыре голубки легли на песок» (Перевод И. Тыняновой).

Как аллегория души предстает голубка в известной песне на стихи Рафаэля Альберти:

«Se equivocó la paloma»: «Se equivocó la paloma, // se equivocaba... // Por ir al Norte fue al Sur, // Creyó que el trigo era agua» [11].

Каждый из авторов этой статьи рискнет предложить свой вариант перевода:

«Ошиблась голубка, она ошибалась. / Попала на юг, а на север собиралась, / Перепутала воду с зерном» (А.Д.); «Заблудилась голубка. Она заблуждалась. / На север летя, на югах оказалась. / Пшеничное поле ей морем казалось» (М.К.).

Положительная оценка, сопровождающая голубя, прочно закрепилась в сознании большинства жителей планеты, но в последнее время она начинает стираться, изнашиваться. Например, в Кордове изображение голубя выступает в качестве логотипа местного банка. Горожане привыкли к изображениям этой птицы и почти перестали замечать их:

«La paloma, símbolo del espíritu santo y logotipo de la caja cordobesa, cubre la ciudad. Está estampada en las puertas de los taxis, en los burladeros de la plaza de toros, en las calles más concurridas, en las exposiciones más importantes, en las camisetas de los jugadores del equipo de fútbol...» [12]. «Голубь, символ Святого Духа и логотип сберегательной кассы, заповил город. Голубь на дверцах такси, на ограждениях арены для боя быков, голубь на людных улицах, на самых важных выставках, на майках игроков местной футбольной команды».

Голуби, которых сегодня видят жители крупных городов (в основном, на помойках и вершинах памятников), воспринимаются уже не как символ святости, а как разносчики грязи и инфекций. Так, в 2008 г. в мэрии Нью-Йорка проходили дебаты о наказании людей, которые кормят голубей на улицах и в парках Ман-

хэттена. «Дескать, голубей много, пользы от них мало, только успевай выделять из бюджета деньги на очистку города от помета». Любителям пернатых даже грозили штрафом в 1000 долларов [13].

В Испании голубей называют *ratas con alas* — «крысы с крыльями».

В испанском языке существует даже специальное слово, обозначающее голубиный помет — *palomina* [14]. Городские власти Мадрида и Барселоны принимают меры против размножения этих птиц. Борьбу с голубями оправдывают рабочие в рассказе Э. Галеано из «Книги объятий. XXI век»: «...*las jodidas palomas son las ruina de esta ciudad...*» («эти чертовы голуби — погибель для города»). Их пытается переубедить пожилая женщина — героиня рассказа: «*Mi hijo murió y se convirtió en paloma*» [15] («Мой сын умер и превратился в голубя»). Этот пример свидетельствует о том, что влияние аксиологической христианской традиции на семантику противостоит реальной экстралингвистической данности; и вера в то, что в голубе воплощена душа, в испаноязычных странах пока побеждает.

О том, что голубь — это чья-то душа, говорится и в известнейшей песне Томаса Мендеса «*Cucurrucucu, paloma*». Название ее носит звукоподражательный характер — так воспринимают носители испанского языка звуки, издаваемые данной птицей (название это, кстати, в свое время иронически обыгрывалось как «расшифровка» аббревиатуры СССР):

«*Que una paloma triste muy de mañana le va a cantar / a la casita sola con sus pueritas de par en par; / juran que esa paloma no es otra cosa más que su alma, / que todavía la espera a que regrese la desdichada. / Cucurrucucú, paloma, / cucurrucucú, no llores. / Las piedras jamás, paloma / qué van a saber de amores*» [16].

Заметим, что именно в силу несовпадения презумпций и звукоподражаний в этой песне на английский язык «голубка» переведена словом «воробей»:

Cucurrucucu, sparrow, / cucurrucucu, don't cry / stoves will never, sparrow, / know anything about love.

Сложности ожидают и тех, кто ищет английский эквивалент испанскому и русскому «голубю». Противоречивость семантики данной лексемы побудила систему английского языка выделить для обозначения этой птицы две лексические единицы: *dove* — «белая непорочная голубка» и *pigeon* — «голубь обыкновенный».

В песне «*La paloma*», написанной С. Ирадьером (*Sebastián Iradier / Yradier*), — по данным Википедии, одной из самых популярных в мире, — лирический герой просит девушку нежно отнестись к голубю, который прилетит к ее окну, — ведь это и будет он сам:

«*Si a tu ventana llega una paloma, / Trátala con cariño que es mi persona*» [17].

В романе М. Отеро Сильвы «Когда хочется плакать, не плачу» с голубкой сравнивается чувство покоя (спокойствия), которого так не хватает матери Викторино:

«— ¡Victorino! ¿Dónde está Victorino? — Y cuando lo descubre a su lado, impávido y displicente, la paz retorna al espíritu de Mami como una *paloma pródiga*» [18. С. 68].

«— Викторино! Где Викторино? И когда она обнаруживает его рядом, невозмутимого и угрюмого, покой вольной *голубкой* вновь нисходит на душу мамы».

Погруженность в магическую среду мифов и верований часто не осознается носителем языка, но именно из-за этой погруженности кубинский поэт Николас Гильен (Nicolás Guillén) в стихотворении «Paloma del palomar» («Голубь из голубятни») обращается к голубю с просьбой:

<i>Paloma del palomar,</i>	Голубь из голубятни,
cuando tú pases por México	Пролетая над Мехико,
no dejes de preguntar	Не забудь спросить,
quien me cerró	Кто запер мне
la puerta a que llamo yo.	Дверь, в которую стучусь я [19].

Н. Гильен сравнивает с *голубкой* свою родину в стихотворении «Deportes»:

«Cuba vuela en la tarde como *una paloma triste*». «Куба летит на закате как *грустная голубка*» [Там же].

С легкой руки испанского художника Пабло Пикассо *голубь* стал символизировать мир:

«Качаясь на волнах эфира, / Минуя горы и моря, / Лети, лети *голубкой мира*, / О песня звонкая моя!» [20].

В русском языковом обиходе узуальнее *голубь мира*, а не *голубка*:

«Мне буревестник Горького дороже, / чем *голубь мира* неизвестно с кем». — «Мир неизвестно с кем и мне противен. Уверен я — Пикассо так не думал...» [21].

Это ставшее традиционным во многих странах мира значение 'голубь — символ мира' можно проиллюстрировать цитатой из песни «La muralla» («Стена») на стихи чилийского певца и поэта Виктора Хары (V. Jara):

¡Tun-tun!	— Тук-тук!
¿Quién es?	— Кто там?
<i>La paloma</i> y el laurel.	— Голубь с лавровой ветвью.
Abre la muralla.	— Открывай (ворота в стене) [22].

Символизируя самые теплые отношения между людьми — мир, дружбу, любовь — голуби часто становятся «участниками» праздников, свадеб, фестивалей. Их торжественно выпускают в небо:

«На ежегодном празднике «Юманите» в Венском лесу в воздух поднялись сотни *белых голубей*. Трудящиеся скандировали: Фашизм не пройдет! Мир победит войну!» [23].

Активно используется метафорический и коннотативный потенциал лексемы *paloma/голубь* в любовной лирике. С голубками сравниваются поцелуи:

«Sentir que tus *besos* anidaron en mí / igual que *palomas mensajeras* de luz [24], («Чувствовать, что твои поцелуи свили во мне гнездо, словно *голубки*, несущие свет»).

В популярной песне «Malena» Карлос Гардель поет:

«*Tus manos, dos palomas que sienten frío, / Tus venas tienen sangre de amor*» [25] («Твои руки — два замерзших голубя, в твоих венах — кровь любви»).

Примечательно, что здесь *голубями* названы руки — любящие, нежные, гибкие, да и по величине кисть руки сопоставима с размером небольшого голубя. Сравнение кисти руки (*mano*, а не *brazo*) с голубем представляется весьма устойчивым и часто встречается в испаноязычных художественных текстах:

«El, que era alto, sentado con una pierna cruzada sobre la otra... y ella, que era bajita, de pie a su lado y apoyando *la mano*, *una mano fina que no parecía hecha para agarrar, sino para posarse, como paloma, en el hombro de su marido* [26]. «Он, высокий, сидел, положив ногу на ногу... она, низенькая, стояла рядом с ним, положив ему на плечо тонкую руку, которая, казалось, была создана не для того, чтобы брать, а для того, чтобы, как *голубка*, ниспускаться на плечо мужа».

Такое же сравнение находим в «Весенней сонате» Рамона дель Валье-Инклана:

«Las cinco hermanas habían vuelto a sentarse. Tejían sus ramos en silencio, y entre la purpura de las rosas revoloteaban *como albas palomas sus manos...*» [27]. «Пять сестер снова сели. Они трудились над своими букетами в тишине, и среди пурпура роз взлетали, как *белокрылые голубки*, их руки».

В Библии с голубками сравниваются глаза. В русском варианте Песни песней Соломона [2] упоминаются «голубиные» глаза. На испанский язык этот фрагмент переведен как «глаза твои — *голуби*»:

«Que Hermosa eres, amada mía...! Tus ojos son *palomas*» [28].

Голубь (точнее, голубка) в испаноязычной культуре выступает как эталон белого цвета — цвета чистоты и непорочности: *blanco como una paloma* — «белый, как снег»: Рубен Дарио в произведении «Белые горлицы и смуглые цапли» пишет:

«Se me antojaba Inés, una *paloma hermosa y humana, blanca y sublime* y al propio tiempo llena de fuego» [29]. «Мне нужна была Инес — *голубка красивая и человеческая, голубка белая и возвышенная*, но одновременно полная огня».

Во многих художественных произведениях на испанском языке с белизной голубки сравниваются беленые стены дома. У Рафаэля Альберти в стихотворении «Одиночество» находим такие строки:

«La casa está ya lista: *una paloma blanca* / de cal pura... Lucientes, / más brillantes que el oro, / la sartén, el perol, la sacerola...» [30]. «Дом готов: *белая голубка* / из чистой известки... Блестят / Ярче золота / сковорода, кастрюля, ковш...».

В романе «Сто лет одиночества» Хосе Аркадио Буэндиа заявляет представителю власти:

«Pero si viene a implantar el desorden obligando a la gente que pinte su casa de azul, puede agarrar sus corotos y largarse por donde vino. Porque *mi casa ha de ser blanca como una paloma*» [31]. «Но если вы явились насаждать беспорядок, заставляя лю-

дей красить дома в голубой цвет, то собирайте-ка свое барахло и отправляйтесь туда, откуда пришли. А мой дом будет *белым, как голубка*» (Перевод Н. Бутыриной и В. Столбова).

Если в русской языковой традиции голубь, как правило, сизокрылый, то испанское слово *paloma* в лирических контекстах притягивает к себе эпитет *blanca*. В следующем примере герой тоскует по избегающей его белой голубке, символизирующей девушку, в которую он влюблен:

«Se fue con su canto triste a otro lugar, / dejó como compañera mi soledad. / *Una paloma blanca* me canta al alba, / viejas melancolías, cosas del alma, / Llegan con el silencio de la mañana / y cuando salgo a verla vuela a su casa» [32].

Белый цвет также наделяется презумпциями чистоты и невинности, что прослеживается в стихотворении Р. дель Валье-Инклана «Роза из Бельяля»:

«Sobre tu *blancura*, / *paloma benigna*, / de mi mordedura / dejaré el estigma» [27].
«На твоей белизне, *благая голубка*, я оставлю след своего укуса».

В элегии А. Мачадо «El sol es un globo de fuego» белая голубка, символизирующая жизнь, противопоставлена темному вековому кипарису, олицетворяющему смерть:

«El sol es un globo de fuego, / la luna es disco morado. / *Una blanca paloma* se posa / en el alto ciprés centenario [33] («Солнце — это огненный шар, / луна — фиолетовый диск. / *Голубка белая* села / на высокий седой кипарис»).

П.А. де Аларкон в новелле «Год в Шпицберге» сравнивает с белой голубкой луну, пробившуюся сквозь тучи:

«Parece *una blanca paloma* venida de otros horizontes a visitar un mundo olvidado por el Criador» [33] («Луна казалась *белой голубкой*, прилетевшей с иных горизонтов посетить этот мир, забытый Создателем».)

В обеих лингвокультурах голубками называют влюбленных. *Arrullar como las palomas (tórtolos, tórtolas)* — ворковать как голубки:

«Cada día... eran más *tórtolos*, y se querían y estimaban más» [26. С. 534]. («С каждым днем... они все больше ворковали (букв.: «более становились *голубками*»), любили и уважали друг друга все сильнее».)

В стихотворении М. Акуньи «Ода» воркование голубки названо пением (заметим, что для носителя русского языка голубь не поет, а воркует или гулит) и ассоциируется с материнским голосом:

«Tu voz fue la primera / Que me habló en la dulzura de ese idioma / Que canta como *canta la paloma* / Y gime como gime la palmera» [34] («Твой голос первым заговорил со мной на этом сладком языке, что поет как *голубь* и стонет как пальма».)

Ф. Гарсиа Лорка в стихотворении «Поэт просит свою любимую написать ему» прибегает к образу голубя для описания сложных, противоречивых чувств:

«Pero yo te sufrí. Rasgué mis venas, / *tigre y paloma*, sobre tu cintura / en duelo de mordiscos y azucenas» [10]. («Я выстрадал тебя. Вскрывая вены / в бою *голубки с тигром*, змей с цветами, / я кровью обдавал твой стан мгновенно».) (Перевод О. Савича).

В «Плаче на смерть Игнасио Мехиаса» Лорка описывает бой быка и тореро, метафорически названного *голубкой*:

«Ya luchan la paloma y el leopardo / A las cinco de la tarde» [Там же]. («Вот боются *голубка* и леопард в пять часов вечера».)

Указание на время битвы — пять часов вечера — подсказывает читателю, что речь идет о корриде, которая неизменно начитается в указанное время по воскресеньям и праздничным дням. Голубка и леопард — символы, относящиеся к тореадору Санчесу Мехиасу и к его противнику — быку. Возможность именовать тореадора *голубкой* возникает благодаря значению хрупкой чистоты, присущей этому орнитониму. Леопард символизирует быка: подразумевается предательская, опасная ловкость, готовность убить. Налицо семантический сдвиг, продиктованный традицией тавромахии, отсутствующей в России. Тореро назван словом *paloma* (голубка), т.е. орнитонимом в форме женского рода, имеющим положительные коннотации. Тот же орнитоним в мужском роде — *palomo* — окрашен негативно и может употребляться с квалификатором *ladrón* («вор»).

В романе К.Х. Селы «Семья Паскуаля Дуарте» герой воспринимает рассказ о голубе-воре как намек на себя и поэтому убивает обидчика:

«Zacarías, en medio de la juerga, y por hacerse el chistoso, nos contó no sé qué sucedido de un palomo ladrón, que yo me atrevería a haber jurado en el momento... que lo había dicho pensando en mí» [7]. («Захариас, во время праздника, чтобы рассмешить всех, рассказал про какой-то случай с голубем-вором, и я бы поклялся в тот миг... что он говорил это, имея в виду меня» (сравним с русским «вор-воробей»)).

Спокойный, легко приручаемый *голубь* приобретает в политических и общественно-публицистических текстах значение «миротворец» и противопоставляется образу кровожадного и жестокого ястреба (сокола) — *halcón*. Произошло это, видимо, не без влияния англоязычной прессы, но носителями испанского это противопоставление воспринимается естественно и органично.

В приводимом нами примере нами примере из газеты «Эль Паис» речь идет о монетарных реформах в Англии:

«El Comité de Política Monetaria del Banco de Inglaterra muchas veces ha sido presentado como pionero a la hora de transparentar la política monetaria. Pero, desde el principio, la transparencia... llevó a una identificación pública de los miembros del Comité como halcones o palomas» [35]. («Комитет монетарной политики Банка Великобритании не раз оказывался первопроходцем в огласке финансовой политики. Но с самого начала гласность... привела к разделению членов комитета на *ястребов* и *голубей*».)

Голубь относится к орнитонимам, которые в разговорной речи подчас перестают восприниматься в прямом значении, подвергаясь десемантизации. Так, испанские *paloma*, *pichona* (голубка) перешли в категорию ласкательных апеллятивов (сравним с русскими обращениями — *голубчик/голубушка*):

«— Mira, paloma; vamos a hablar de otra cosa» [7]. («Слушай, голубка, давай поговорим о другом».)

Примечательно, что в испаноязычном обиходе данный орнитоним в мужском роде никогда не используется как ласковое обращение в силу наличия у него

специфических отрицательных коннотаций, о которых будет сказано ниже. А вот в русском языке *голубь* (мужской род) может выступать как нейтрально-дружеское обращение:

«...Не взывайте, *голуби*, не держите зла, — / До родителей подчас тяжело доб- раться. / Замотало, завертело, все дела, дела, / Я отвечу музыкой — не сердитесь, братцы» [36].

Таким образом, «голубиные» метафоры распространяются в испанском язы- ковом сознании, проникая в художественную литературу, кинематограф, прессу, названия фирм и торговых марок. Например, «Палома Пикассо» — бренд парфю- мерных и ювелирных изделий, названный так в честь дочери Пабло Пикассо — Паломы.

Палома — весьма распространенное в испаноязычных странах женское имя. Его можно часто встретить на страницах газет и журналов: «*Paloma Cuevas y En- rique Ponсе*» (Палома Куэвас и Энрике Понсе), «*Paloma, hija de Antonio Banderas*» (Палома, дочь Антонио Бандераса). Другой пример — марка детской одежды Palomino, т.е. «голубенок».

Известен роман испанского писателя Eduardo Mendicutti под названием «*El palomo соjo*» («Хромой голубь»). Роман стал сюжетом одноименного фильма, по- ставленного режиссером Х. де Арминьяном (Jaime de Armiñán).

У русских зрителей такое название может вызвать лишь жалость к голубю (а, следовательно, и к герою фильма); испанцам же это название говорит о том, что речь пойдет о мужчине с нетрадиционной половой ориентацией. В испанском языке существует фразеологизм «*ser más maricón que un palomo соjo*» (*быть большим гомосексуалистом (педерастом), чем хромой голубь*). Так что «хромого голубя» можно смело причислить к ложным друзьям переводчика.

Происхождение данного оборота связано с наблюдениями пытливых и иро- ничных испанцев над поведением голубей. Дело в том, что в брачных играх го- лубка слегка приседает и передвигается в несколько замедленном темпе. То же самое происходит с походкой голубя-самца, если у него перешиблена нога. Тогда незадачливые и малознакомые с ним товарищи-голуби могут принять его за самку и попытаться овладеть им, что и приводит к изменению сексуальной ориентации хромого голубя [37]. Для равновесия этот несчастный голубь распушает хвост, что обусловило возникновение еще одного оборота: *tener más plumas que un palomo соjo*. Эта идиома встретила нам в газете «Эль Паис»: «...creo que pa ser periodista de esos tienes que ser un poco „amanerao“ o como dicen en mi pueblo „*tener más pluma que un palomo соjo*“» [38]. («Думаю, что для того, чтобы быть таким журналистом, как эти, надо быть немного воображалой или, как говорят у нас в деревне, „распустить павлиний хвост“»).

Данные фразеологизмы стали чрезвычайно популярными именно в послед- нее время в связи с либерализацией сексуальных отклонений и возведением их в ранг своеобразной моды. Активна в обиходе и сама лексема *palomo* в значе- нии «педераст». Ниже мы приводим таблицу испанских фразеологизмов со сло- вами *paloma* и *palomo*, их буквальным переводом и эквивалентами в русском языке.

Испанские фразеологизмы со словом «голубь»

Фразеологизм	Буквальный перевод	Русский эквивалент
1. Andar como paloma sin pichón	Как голубка без голубенка	Ходить как потерянная
2. Ando como un palomino atontado	Хожу, как одуревший голубь	Никак не найду; ума не приложу, где искать
3. Arrullarse como las palomas	Ворковать, как голубки	Ворковать, как голубки
4. Besarse como las palomas	Целоваться, как голубки	Целоваться, как голубки
5. Cándido como una paloma torcaz	Наивный, как лесной голубь	Святая простота
6. Casta como una paloma	Чистая, как голубка	Чистая, как голубка
7. Cebo haya en el palomar, que las palomas no faltarán	Был бы корм в голубятне, а голуби найдутся	Была бы еда, а едоки найдутся
8. Como el palomo ladrón	Как голубь-вор	Вороватый
9. Como paloma en el aire	Как голубь в воздухе	Разодетый, довольный собой
10. Como un palomito atontado	Как одуревший голубь	Бестолочь, дуралей, пентюх
11. El Juez perverso, condena a la paloma y libra al cuervo	Порочный судья осуждает голубя и освобождает ворона	Вершить несправедный суд
12. Estar hecho un palomito atontado	Быть как одуревший голубок	Попасть в трудное положение; растеряться, оторопеть
13. Irsele a uno la paloma	Улетел у кого-либо голубь	Забыл, что хотел сказать; вылетело из головы
14. Manso como una paloma	Кроткий, как голубь	Кроткий, как голубь
15. Más inocente que una paloma	Наивнее голубя	Простодушный, как голубь
16. Más limpia que una paloma	Чище голубя	Невинная, как голубка
17. Mucho y bien, la paloma lo vuela	Много и хорошо, а голубь его унес	Все требует времени и труда
18. Ni gato es palomar, ni cabra es olivar	Не назовешь кота голубятней, а козу оливковой рощей	Пусти козла в огород
19. Paloma de la paz	Голубь мира	Голубь мира
20. Paloma mensajera	Почтовый голубь	Почтовый голубь
21. Paloma que va volando no dice adonde ni cuando	Голубка, которая решила улететь, не скажет, куда и когда	Вольному воля
22. Ser paloma sin hiel	Голубь без желчи	Кроткий человек, мухи не обидит
23. Ser un palomo cojo (Esp.)	Быть хромым голубем	Быть женоподобным
24. Ser más maricón que un palomo cojo	Быть большим педерастом, чем хромым голубь	Быть гомосексуалистом
25. Pedir paloma (Guat., M.)	Просить голубку	Просить у кого-либо разрешения на танец с его дамой
26. ¡Por la paloma azul!	Клянусь синим голубем!	Клянусь! Разрази меня гром!
27. Serrano, paloma y gato, no hay animal más ingrato	Горный житель, голубь и кот — нет более неблагодарных животных	Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит

Как показано выше, в испанском языке преобладают фразеологизмы со словом *paloma*, отличающиеся «мирной», «светлой» семантикой, чего не скажешь об идиомах со словом *palomo*. Кстати, и в современном русском языке использование уменьшительного названия этой птицы — «голубок» — иногда наделяется уничижительными коннотациями, употребляясь в качестве эвфемистического наименования гомосексуалиста («голубой»).

Интересен и тот факт, что голубь оказался в ресторанном экстравагантном меню в числе других соблазнительных блюд — это «консоме из голубя»:

«una extraña hoja de planta holandesa que sabe a ostra, además de unas gambas dos coccciones y un *consomé de paloma* que es como beberse el otoño» [35].

Заметим, что и в русском, и в испанском языке существует тенденция к подтруниванию над идеальными сущностями, высмеиванию возвышенной семантики. Приведем в качестве примера саркастические строфы И. Северянина, посвященные родине:

«Как не воспеть твою мне честность / И граждан дружную семью, / И славную твою известность, / И... проституцию твою? / Она, как *белая голубка*, / Легка, бездумна и чиста! / О, добрый взгляд! О, лисья шубка! / О, некрасивых красота!» [4].

Чрезвычайно богат сравнениями на базе орнитонимов роман современной писательницы Ольги Славниковой «2017». Остановимся на пресуппозициях, содержащихся в компаративных конструкциях с компонентом «голубь»:

«Округлый господин вышагивал походкой *голубя* перед строем каких-то полувоенных; на трибуне уже возникли первые члены городского руководства; еще необязательные, похожие на случайно *рассевшихся голубей*, они рассеянно вертели головами; снаружи, за плотно сдвинутыми шторами, грузно когтила железо стая *голубей*; ...выкрикнул Дымов, перекрикивая бешеный, как взлет *тяжелой голубиной стаи*, взрыв аплодисментов» [39. С. 11; С. 322; С. 17; С. 402].

Как видно из приведенных примеров, голубь — грузный, прожорливый, неуклюжий — типичная городская птица, живущая в большой, тяжелой на подъем стае. Никаких положительных коннотаций такой образ голубя не содержит.

Изредка среди голубей-дармоедов, ненасытных нахлебников, уродующих городские улицы и площади, попадаются особи, достойные уважения, как тот голубь, который повстречался Евгению Евтушенко: он «с почти что человеческими глазами, / на внешнем подоконнике сидел, / ни перышком несколько не похожий / на *жирных попрошаек площадных*, / как маленький взъерошенный товарищ, / меня спасти от смерти прилетевший» [21].

Итак, исследованный нами материал свидетельствует о том, что в понятии **голубь** зашифрованы противоположные друг другу презумпции: во-первых, ‘чистота’, ‘безгрешность’, ‘наивность’, давно завоевавшие себе место в семантическом тезаурусе испанского и русского языков, и новый стереотип — ‘грязное, презренное, всюду гадящее существо’, только начинающий формироваться в разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фирсова Н.М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
- [2] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. — Изд. 2-е. — М.: Изд-во «СЕР» и «СМП», 1988.
- [3] *Тютчев Ф.И.* Стихотворения. — М.: Советская Россия, 1976.
- [4] *Северянин И.* Избранное. — Смоленск: Русич, 2005.
- [5] *Бальмонт К.* Избранное. — М.: Художественная литература, 1980.
- [6] *Augustini D.* http://lukianpovorotov.narod.ru/latinoamerican_poetry.html
- [7] *Cela C.J.* Novelas cortas y cuentos. — М.: Editorial Progreso, 1975.
- [8] URL: <http://lyrics-keeper.com/ru/jose-jose/gavilan-o-paloma.html>
- [9] *Hernández M.* Poesía. — México: Editores Mexicanos Unidos, 1992.
- [10] *García Lorca F.* Prosa. Poesía. Teatro. — Moscú: Progreso, 1979.
- [11] URL: <http://lyrics-keeper.com.ru/ana-belen-con-joan-m-serrat.html>
- [12] *Planelles M.* La Iglesia se resigna y pierde 'su' caja // El País. — 25.10.2009.
- [13] Booknik. — 2009. — 19 — С. 14.
- [14] DRAE — Diccionario de la Real Academia Española. 21 ed. — Madrid: Espasa Calpe, 1994.
- [15] *Galeano E.* «El libro de los abrazos. Siglo XXI». — Cit. por: 25. — S. 48.
- [16] URL: <http://www.mirpesen.com/ru/la-academia/cucurrucucu-paloma.html>
- [17] URL: http://www.en.wikipedia.org/wiki/La_Paloma
- [18] *Otero Silva M.* Obra escogida. — М.: Progreso, 1982.
- [19] *Guillén N.* Obra poética. — La Habana: Edición de Arte y Literatura, 1973.
- [20] *Ахматова А.А.* Сочинения в 2 т. — М.: Художественная литература, 1990. — Т. 1.
- [21] *Евтушенко Евг.* Идут белые снеги. — М.: Художественная литература, 1969.
- [22] URL: <http://muslib.ru/b43835/Los+Calchakis>
- [23] *Аксенов В.* Московская сага: Трилогия. Книга третья. Тюрма и мир. — М.: Текст, 1994.
- [24] URL: <http://www.elyrics.ru/lyrics/8186-Amor.html>
- [25] URL: <http://www.pesenki.ru/authors/carlos-gardel/malens-lyrics.shtml>
- [26] *Pérez Galdós B.* Fortunata y Jacinta: dos historias de casadas. — Madrid: Alianza Editorial, 2002.
- [27] *Valle-Inclán Ramón del.* Romance de lobos, comedia bárbara. — Madrid: Saez hermanos, 1922.
- [28] *Delibes M.* Cinco horas con Mario. — М.: Editorial Progreso, 1979.
- [29] *Darío R.* Obras escogidas. — Madrid: Colección Austral Espasa-Calpe, 1965.
- [30] *Alberti R.* Poesía. — Barcelona: Edición Seix Barral, 2003.
- [31] *García Márquez G.* Cien años de soledad. — М.: Progreso, 1980.
- [32] URL: http://es.lyrsense.com/julio_iglesias/la_paloma
- [33] URL: <http://www.amediavoz.com/machado.htm>
- [34] Antología de poetas españoles. — Barcelona: Amarantos, 1982.
- [35] El País. — 15.11.2009.
- [36] *Розенбаум А.* Белая птица удачи. Стихи и песни. Авторский сборник. — М: Эксмо-Пресс, Триэн, 1999.
- [37] URL: <http://www.burbuja.info/inmobiliaria/guarderia/66308-significado-de-mas-maricon-que-un-palomo-cojo.html>
- [38] *Marcelino P.* Lo que quiero ser de mayor // El País. — 17.07.2009.
- [39] *Славникова О.* 2017. — М.: Вагриус, 2007.

**DISCREPANCIES IN CONNOTATIVE POTENTIAL
OF THE ORNITHONYM *PALOMA*/ГОЛУБЬ
IN SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

A.P. Denisova, M.V. Kutieva

The department of foreign languages
Faculty of philology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the comparative semantic study of Spanish and Russian languages based on the example of ornithonym *paloma*/*palomo* and голубь/голубка. The authors' reflections are illustrated by numerous examples from literature, songs and newspapers in Spanish and Russian languages.

Key words: connotation, ornithonym, symbol, metaphor, presumption.